

А. Кильдичаковым и впервые опубликованы в газете. В дальнейшем переводами стихов Торбокова занимались поэт из Абакана Г. Сысолятин, кузбасские поэты М. Небогатов и В. Махалов.

Из сборника стихов Степана Торбокова, изданного полукустарным способом в Новокузнецке в 1995 году, я выбрал одно стихотворение, чтобы хоть как-то познакомить читателя с творчеством замечательного шорского поэта.

Ш О Р И Я

*Как толкуется слово Шория?
Я совсем не знаток-лингвист.
Мне поведал твою историю
Беспокойного ветра свист.
Стрел джунгарских в нем слышу пение,
Свист арканов да лязг цепей.
В нем печаль твоя и терпение
С безысходной тоской твоей.
С давней-давней, теперь - забытою...
На пожарищах - шум лесов.
Даже камни, в курганы врытые,
Зелены от веков и мхов.
Камни Шории и Хакасии,
Горя прежнего сторожа.
Спит дремучая древняя Азия
Под курганами, чуть дыша.
Ты веселю, беспечальнойю
Стала, родина Шор-Анчи.
Звезды ГРЭС, а не плошки сальные
Освещают тебя в ночи.
Позабыты дни горя и бедности.
Радуй сердце мое и взор,
Сторона небывалой щедрости,
Рыбных рек и лесистых гор.*

Если это стихотворение не затронуло вашу душу, уважаемый читатель, значит, вы человек черствый и вам не надо читать стихи. Смотрите лучше телевизор.

* * *

О мысковском поэте Николае Егоровиче Бельчегешева мне писать легко и одновременно сложно. Легко, потому что я хорошо знал его при жизни, он был частым гостем в нашей редакции, приносил интересные материалы, да все о возрождении шорской культуры, о защите природы. Я бывал у него дома и на даче в Малой Чувашке, словом, знал его хорошо.

Сложно, потому что творчество Николая Бельчегешева можно оценить, только зная шорский язык, так как на нем он писал свои стихотворения, а я шорским языком не владею. И если говорить откровенно, его стихов я не понимал, даже в переводах. И всегда задавал себе вопрос: за чем бывшему военному летчику, уволенному в запас, на покой, беспокойная жизнь поэта, когда утвердиться в современной литературе смутного исторического периода практически невозможно?

Но Николай думал иначе. Он не мечтал о литературной карьере, а свои стихи, как песни предков, носил в душе. Он очень переживал за судьбу своего народа, в суждениях иногда бывал резок и непримирим. Мы не раз спорили о взаимоотношениях русских и шорцев, и мне иногда нечего было возразить.

Биография Николая обычна для шорского мальчишки, от природы одаренного и только благодаря этому вышедшего в люди. Родился в Малой Чувашке, где первый дом поставил его дед. Был в семье четырнадцатым ребенком - в роду умелых пасечников, охотников и трудолюбивых скотоводов. До коллективизации семья жила в достатке: отец Егор Васильевич занимался заготовкой пушнины, принимал кожсырье, торговал оружием и боеприпасами. Затем все изменилось, но особенный урон семье нанесла война - одиннадцать мужчин из их рода не вернулись с полей сражений.

С детства Николай слышал в семье народные шорские песни - их исполнял дядя, ученик известного кайчи Морозки и сам в ту пору лучший на Мрассу кайчи.

Дома говорили только на шорском, и поэтому, когда Николай пошел в школу, на первых порах было трудно. Зато потом учителя с удовольствием видели стремление шорского мальчика к русскому языку и особенно литературе. Учиться начинал в Чувашке, семилетку окончил в Курье, а аттестат зрелости получал уже в Мысках в первой школе.

В небо людей приводит мечта. У Николая она появилась в детстве, когда впервые увидел самолет. Но до неба еще было далеко. После школы выучился на киномеханика и разъезжал с кинопередвижкой по шорским деревням. Ему нравилось быть везде желанным гостем!

В Ачинском военном авиационно-техническом училище он был одним из лучших курсантов. После окончания служил на Украине, прошел в Иркутске подготовку на борттехника военно-транспортного самолета АН-12. На котором и летали они потом в «горячие точки», имея на борту военные грузы. Эта боевая работа была за семью печатями секретности.

Еще в армии он готовился к серьезной литературной деятельности. Много читал, в том числе стихи тюркоязычных поэтов, интересовался японской поэзией. Печатался в окружных армейских газетах и центральной «Красной звезде».

На Украине у него было все, ведь тогда офицеры жили по-человечески. И распад СССР еще никому не снился даже в страшных снах. Но семья Бельчегешевых все-таки вернулась в Мыски. Поменяли квартиру, а в Малой Чувашке вдвоем с женой Ларисой Алексеевной за два года построили небольшой уютный домик. Рядом Мрассу, тайга, родные и знакомые с детства места - идеальные условия для творчества. И литературная карьера Николая Бельчегешева была короткой и яр-

кой, словно полет метеорита. В 1991 году вышли в свет сразу две книги стихов на шорском языке. Затем сборник на русском в переводе новокузнецкого литератора Бориса Рахманова. Потом еще один сборник на шорском и русском под редакцией доцента Новокузнецкого пединститута Г. Косточакова. Его в числе других современных шорских литераторов приняли в Союз писателей России!

В апреле 2000 г. в городском Доме культуры отмечали его юбилей, и по этому случаю тут состоялся вечер шорской поэзии. Он сказал о себе коротко:

- Я побывал в 12 странах мира. И знаете, лучше, чем Горная Шория, земли не встретил. Из любви к родному краю и стал писать стихи

Он недолго прожил после этого юбилея. Ушел из жизни как-то внезапно и незаметно, так что многие близкие узнали о печальном событии уже после похорон. Оставил после себя стихи, в том числе и эти строки, которые можно начертать на его памятнике:

*Моя Родина,
Слушай мою душу.
Мы все когда-нибудь
Исчезнем,
Свой народ
Благословляя.
И будем лежать
У твоего сердца.
Только ты живи,
Моя Родина.*

Откуда у шорского народа такая поэтическая душа, впитанная, кажется, с молоком матери? Мы уже ответили на этот вопрос: от песен кайчи. Кто же эти люди, на долгие вечера, а то и на несколько дней подряд завораживающие соплеменников своим пением? Это люди особого склада, и о них пойдет теперь рассказ.

Кто из читателей слышал такое имя - Морошка? А между тем человек с этим именем в свое время был известен очень многим. Он не писал книг, не издавал стихов, а в памяти народной сохранился до сей поры. Настоящее имя этого человека - Николай Александрович Напазаков. Морошкой его прозвали в детстве. Однажды еще маленьким услышал он от русского приезжего слово «морозко», и так оно ему почему-то понравилось, что сам себя этим словом стал называть, переиначив его на свой лад. Отсюда и Морошка. И в детстве же закрепилось за ним другое имя, очень почетное, носимое обычно лишь стариками, - кайчи. Но прежде чем самому стать мастером исполнения народных былин, он был самым внимательным и неутомимым слушателем. Когда в улус приходил кайчи, Морошка на два-три дня исчезал из дома. Слово в слово запоми-

нал малейшие подробности о необычайной, сказочной и красивой жизни богатырей. И уже на следующий день мог повторить всю сказку почти дословно. Это одна из многочисленных способностей, необходимых настоящему кайчи, - великолепная память. И вскоре уже в избе Напазаковых стали собираться люди, чтобы увидеть такое чудо - маленького кайчи. И пошла по всей Шории молва о юном сказочнике, который и сам сочиняет песни, а песни разносятся вокруг подобно ветру.

Он и внешне походил на сказочный персонаж. Маленький, горбатый, с кривыми руками и ногами. То были последствия многочисленных травм после падения с кедра еще мальчишкой. Таким он предстал перед людьми, которые в 1939 году записывали его поэмы - седой карлик с удивительно добрым детским лицом.

Николай Александрович Напазаков родился в 1870 году, умер в 1942-м глубоким и мудрым стариком, любимцем своего народа и его замечательным певцом. Он был не просто кайчи, а человеком большого дарования. Его песни, шутки-прибаутки, пословицы и афоризмы - часть культурного наследия шорского народа, новую жизнь которого он воспевал с особой страстью:

*Новой жизни хорош закон:
Всех людей людьми сделал он.
Много троп в тайге пролегло,
Стало в наших горах светло.
К нам Советская власть пришла,
Много светлых огней зажгла.*

Живо ли сегодня искусство кайчи? Живо! И значит, сохранен в чистом первоизданном виде сам шорский язык. Правда, кайчи Владимир Егорович Таннагашев - это «последний из могикан», единственный на всю Горную Шорию. Он хорошо известен за ее пределами - в Хакасии, Туве и зарубежным специалистам-лингвистам из Голландии, Америки, Швеции, Турции. Вот уж поистине большое видится на расстоянии, к нашему стыду. И лишь газета «Вариант» в декабре 2002 года опубликовала о нем очерк Анатолия Уколова «Кайчи - хранитель языка».

В 1999 году кайчи Таннагашева приняли в Союз писателей России, оценили все-таки его уникальный талант.

Как и Морошка, Владимир Егорович Таннагашев увлекался горловым пением-каем с младых ногтей. Жил в поселке Курья, ныне погребенном под отвалами разреза «Сибиргинский», охотник Амзоров Прокопий Никанорович, который умел рассказывать легенды под комус. Обычно это начиналось зимними вечерами, когда кай, как и во времена Морошки, затягивался на двое-трое суток. Все это время перед слушателями, а особенно перед ребятами, стояли сказочные картины жизни былинных героев и вся природа вокруг становилась волшебной сказкой.